

Об одном явлении в лексике современного русского языка с точки зрения татарско-русских языковых пересечений (на примерах типа такси-макси и ыбыр-чыбыр)

Гульчачак Ринатовна Патенко (Набережные Челны, Россия)

Дания Абузаровна Салимова (г. Елабуга, Россия)

Аннотация. В статье речь идет об относительно новом и интересном явлении в русском языке (пока в основном на уровне разговорной речи) – об особом типе редупликации как выразителе эмоционально-экспрессивного потенциала языка. Слова и формы, образованные путем повтора корневых морфем с некоторыми звуковыми добавлениями-вставками, сегодня все чаще и чаще проникают в нашу речь, что, возможно, объясняется влиянием тюркских языков. Именно в регионах с тюркским населением, например, в Республике Татарстан, Астраханской области, в Тюменской области, по нашим наблюдениям, такие формы-повторы особенно частотны. Говоря по-иному, это явление можно рассматривать как проявление черт славяно-тюркских взаимопроникновений в самих языковых системах. Возможно также, что примеры типа такси-макси есть признак сближения в современный период русского языка с распространенными восточными языками, в которых редупликация играет более значительную роль, нежели в русском языке.

Ключевые слова: русский язык, тюркские языки, редупликация, экспрессия в языке, категория интенсивности.

Вопрос о редупликации как отдельном способе словообразования в современной русской лингвистике до сих пор остается дискуссионным и в большей части рассматривается в рамках дериватологии. Ряд ученых (Г.Б. Антрушина [1], О.Ю. Крючкова [5], Ф.Р. Минлос [6]), придерживается точки зрения о том, что редупликация является самостоятельной словообра-

зовательной моделью; другие, например, Е.В.Федяева [9]) считают, что сама редупликация, входит в состав словосложения в качестве конституента. Значительное количество работ посвящено рассмотрению феномена редупликации в русском языке в сопоставлении с другими языками, например, Арсентьевой Е.Ф., Валиуллиной Р.Б.[2] и др.

До настоящего времени проблемы редупликации (понимаемой в качестве приема внутрисловного удвоения) обсуждались более или менее активно на материале языков азиатского, юго-восточного, региона. Что касается русистики, то можно утверждать, что проблема редупликации является в определенной мере лакуной как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах. Внутрисловные удвоения в русском языке не были до настоящего времени предметом системного изучения, их описание сводилось по существу к указанию на отдельные типы или факты удвоения. Этим обусловлено и практическое неприменение в русистике термина "редупликация" относительно тех или иных случаев повтора компонентов, образующих слово (см. об этом: <http://sarteorlingv.narod.ru/reduplikacia.htm>). Справедливости ради, заметим, что появляется ряд интересных работ, в которых предлагается систематизация, классификация типов редупликации, вводятся новые понятия, например, «иконичность» по отношению к этому средству [4, 56-59] и т.д.

Сегодня мы наблюдаем интерес отечественного языкознания начала XXI вв. к феномену языковой динамики, что определяются в первую очередь широтой и масштабностью процессов языковых изменений, происходящих в современный период, и изменчивостью стилистической нормы, которая в силу собственной подвижности не успевает зафиксироваться в нормативных словарях и учебниках. Современное состояние языков дает богатый материал для наблюдения за эволюционными процессами и в лексическом составе языка, потому что значение любого слова и его восприятие пребывают в постоянной динамике, и морфологической, и в синтаксической характеристиках слов. Язык как универсальная принадлежность человека и перемены, происходящие в нем, нуждаются в изучении, осмыслении, в выработке рекоменда-

ций по квалификации, оценке отдельных языковых единиц и явлений, требуют систематических исследовательских наблюдений над изменениями, происходящими во всех ярусах языковой организации. Особенно ярко эти изменения наблюдаются в языке тех, кто живет на территориях, населенных разноязычными представителями.

Википедия гласит: «**Языков́ый сою́з** (нем. *Sprachbund*, немецкий термин, предложенный Трубецким, используется во многих других языках без перевода) – особый тип общности языков, возникшей как результат контактного и конвергентного развития. Понятие языкового союза впервые явно сформулировал Н. С. Трубецкой в статье «Вавилонская башня и смешение языков» (1923)» [8].

Примером языковых союзов, широко вошедших в научный обиход, является волго-камский (или поволжский: финно-угорские и тюркские языки). На наш взгляд, включение только тюркских и финно-угорских (несомненно более древних на этой территории) в поволжский языковой союз далеко не полно. Очень значимым компонентом здесь является славянский пласт, и сегодня более целесообразным нам представляется освещение характерологических черт славяно-тюркских взаимопроникновений в языковых системах.

Возможно, некоторые из этих сближений и пересечений еще не имеют системного характера и рассматривать это на уровне языковых систем нет достаточных оснований. Но на уровне речевом, современных разговорных конструкций – это весьма серьезные изменения.

В научной литературе, освещающей русско-татарские языковые связи, до сих пор основной акцент делался на влиянии русского языка на татарский язык: подробно описываются русские заимствования, их фонетическое освоение, интерферентные явления при освоении русского языка татарами и т.д. «О влиянии же татарского языка на русский написано гораздо меньше, в основном, это труды по тюркским заимствованиям в более ранние временные этапы развития этих двух языков» [7, 184].

Наша статья же посвящена попытке описания обратного явления – изменениям в русском языке (повторяемся, в основном на уровне речи, а есть примеры и нормативного плана), происходящим под влиянием тюркских языков.

Как известно, современный период развития всех языков характеризуется эскалацией, экспрессией выразительных средств (еще точнее, это период «эскалации экспрессии») языка. Сжатость, концентрированность, глобализация всего окружающего заставляет и язык выражать максимально ярко и сильно, при этом меньшими средствами.

В татарском языке одним из средств языковой экспрессии являются так называемые повторы. (Для более точного описания мы будем использовать термин «редупликация», хотя это понятие остается весьма спорным и неоднозначно трактуемым.) Такие повторы имеют самые разнообразные модели. Это: 1. Простая редупликация знаменательных слов: *Олы-олы абзыйлар* (взрослые дяди), *зур-зур утыннар* (крупные дрова), *матур-матур кызлар* (красивые девушки). *Таза-таза абзыйлар гына монда, энем* (М.Магдеев). *Кыйбат-кыйбат дарулар* (дорогие лекарства) *да алдык, тик...* 2. Повтор первого полнозначного компонента с заменой первого звука, в основном на звонкий звук, часто сонорный: *сирәек-мирәэк* (редко), *тиле-миле* (глуповатый), *кыз-мыз* (девочки, девушки). *Тиле-миле кеше булып чыкты бугай ла ул* (Т.Галиуллин). *Шәп-шәп* (хорошие крепкие парни) *егетләр дә очраштырды*. При этом, следует подчеркнуть, второй компонент в языке отдельно не употребляется, это асемантические слова, значение которых раскрывается только в сочетании с первым компонентом. 3. Редупликация неполнозначного слова с фонетическим осложнением второго компонента, с присоединением к началу его асемантического звука: *ыгы-зыгы* (суета), *ыбыр-чыбыр* (мелкотня), *эңгер-меңгер* (сумерки), *ык-мык* (невнятно), *тыз-быз* (быстро, в суете – о движении). *Шул ыгы-зыгыда онытылып киткән* (М.Магдеев). В таких формах оба компонента отдельно не употребляются, вместе же они несут как смысл, так и различные коннотативные оттенки. 4. Есть и формы, состоящие из двух не-

полнозначных компонентов, содержащих гласные различных рядов (задних и передних): *аңкы-миңке, эленке-салынкы* (нехотя, ленясь) и др. Интересная закономерность: ни один из компонентов этих слов не имеет смысла, в целом же такие двусоставные комбинации понятны любому носителю татарского языка.

Объединяют первые две эти модели смысловые оттенки двух типов, парадоксально – противоположных: придание значения масштабности, серьезности (*зур-зур абзыйлар*) и пренебрежительности к высказываемому (*кызмыз, всякие девочки, девушки*). Касательно третьей модели (*ыбыр-чыбыр*) можно констатировать, что это слова в основном стилистически нейтральные. Ни один из компонентов отдельно ничего не значит, в соседстве они несут блоки самых различных смысловых зон: *Ыгы-зыгыда баланы онытып ташлаганбыз (ШК)* (В суете забыли про ребенка). К примеру, в казахском языке *жылкы* – лошадь, *жылкы-мылкы* – лошади;

Вспомним, что так называемая редупликация не чужда и русскому языку, хотя в других языках мира функции и типы редупликации намного разнообразнее. Например, полная редупликация прилагательного усиливает признак. Вот случаи редупликации, осложненные изменением окончания: *давным-давно, белым-бело*. Встречается редупликация прилагательных с добавлением приставки *пре-*: *большой-пребольшой, белый-пребелый*. Повторение глагола передает длительность действия: *Шёл, шёл Иван по дороге..., Ищет, ищет, никак найти не может*. Редупликация может усиливать приказ: *Давай-давай!* Также она передает усиленное согласие или отрицание: *Да, да! И Нет, нет!*

В русском языке, таким образом, редупликация имеет место как средство интенсификации смысловых оттенков и представлена в основном двумя структурными моделями. Это простое повторение слов: *очень-очень люблю, умный-умный товарищ, едем, едем*, и повтор, осложненный какой-либо морфемой: *умный-преумный, любить-перелюбить, долго-надолго*. Случаи же, когда при редупликации употребляются компоненты, отдельно не исполь-

зующиеся, в русском языке крайне редки (имеющиеся примеры связаны с историческими изменениями и представляют собой примеры деэтимологизации). Исключением, пожалуй, является разговорное *шухры-мухры*, точнее *не шухры-мухры*.

В сегодняшние дни на нашей территории Татарстана (судя по телевизионным сериалам и другим передачам) и на всей территории России очень активными становятся формы редупликации, точь-в-точь повторяющие татарские варианты. Это такие слова, как *такси-макси*, *шашлык-машлык*, *танцы-мансы*, *танцы-жманцы*, *фрукты-мрукты*, *бизнес-мизнес*, *проекты-мроекты*, *инновации-минновации*, *пирожки-мирожки*, *арбуз-марбуз*. Кроме случаев редупликации с вставкой сонорного [м], в русском языке наблюдаются и примеры с [ш]. Это так называемые shm-reduplication примеры (www.stolichnoe-obrazovanie.ru/cgi-bin/show.p) – явления последних десятилетий: *Маркишмарки*, *магазин-шмагазин*, *мобильник-шмобильник*, *поцелуй-шмоцелуй*, *подарки-шмодарки*, вполне вероятно, уже возникают под влиянием английского языка. Обособляется в этом ряду примеров *супер-пупер*, по частотности слово, превосходящее многие другие образования.

При этом если в формах типа *шашлык-машлык*, *такси-макси* нет никакого негативного оттенка, это простая репрезентация слегка легкомысленной формы информации, слова типа *бизнес-мизнес*, *проекты-мроекты*, *инновации-минновации* несут обязательно оттенок пренебрежительности, слабой выраженной, но – агрессии, протеста по отношению к тем понятиям, что обозначают эти слова. Заметим: эти формы так активны в речи, что их можно встретить в речи каждого носителя языка, эти же примеры нами зафиксированы в речи персонажей телесериалов «Сваты», «Глухарь» (идущих на каналах «Россия» и «НТВ»), в программах КВН, и особенно в речи участников Камеди-клуб и др. Всего нами зафиксировано 150 примеров. Русские редупликативные формы отличает одно: в качестве второго компонента почти всегда присутствует первое слово с добавлением в начале сонорного звука [м], мы бы это назвали более системным, упорядоченным, нежели в татарском

языке, рядом новообразований. В Казани появились несколько магазинов, название которых построено как раз по таким смешным, на первый взгляд, непривычным моделям (возможно, это есть один из приемов привлечения внимания): это «Шаром-даром», «Посуда-мосуда», почти анекдотичный пример предоставления частных услуг «Баня-маня».

Что же является причиной появления таких форм в русском языке? По нашей версии, это влияние русской речи носителей тюркских языков. Нормы и экспрессивные возможности татарского языка они автоматически переносят на русский язык, что активно подхватывается и носителями русского языка, потому что в этих формах действительно заложен богатый экспрессивно-стилистический потенциал. Действительно, такие формы (*фрукты-мрукты*) служат своеобразным средством создания ритмо-мелодического эффекта, рисунка речи.

Конечно, мы можем ограничиться констатацией того, что это нарушения норм русской речи, это просторечные варианты и что все это не является фактором самой языковой системы. (Мало ли что у нас кто и как говорит, какие нарушения речи допускает!) Очередное нарушение ли это норм русского языка или приобретение языком нового средства языковой выразительности, покажет время. Пока же, на наш взгляд, этот яркий пример проявления новых векторов функционирования языкового союза, образец конвергенции языковых систем. Еще раз подтверждающий тезис о том, что языковой союз может состоять как из родственных, так и из неродственных языков, и образование ЯС не приводит к возникновению между его членами языкового родства.

Мы ни в коей мере не пытаемся провести мысль о том, что редупликация в русском языке – это явление, вызванное исключительно влиянием других языков. Это одна из языковых универсалий, встречающаяся в абсолютном большинстве языков мира, то есть древнее и весьма распространенное явление среди языков мира, в особенности, романских (французский, итальянский, испанский и др.) и русского языка. «Это языковая реальность, свойствен-

ная всем естественным языкам, для передачи широкого и разнообразного спектра информации посредством синтаксической и/или семантической множественности, интенсивности, способна выразить определенное качество, присущее объекту в большей или меньшей степени» [3, 1203]. Наряду с универсальными структурными и семантическими проявлениями редуPLICATION, разные языки характеризуются своеобразной интерпретацией общих, инвариантных структурных типов внутрисловного удвоения и общей, инвариантной семантики. Как показывают наши наблюдения, будучи немногочисленными в каждом конкретном языке, наиболее продуктивные модели редуPLICATION в целом совпадают в языках с одинаковым морфологическим строем.

Возможно также, что активизация редуPLICATION в русском языке – есть пример действия языкового союза в более широком значении, это свидетельство того, что русский язык становится ближе к другим языкам мира (в основном, восточным), в которых редуPLICATION распространена намного больше и имеет богатейшую палитру как функций, так и фонематического варьирования. Вспомним: во многих языках мира повторы – это не только особые разговорные формы со стилистической окраской, это способы выражения ряда важнейших универсальных категорий, например, числа, количества, интенсивности и др.; в китайском, японском, кавказских и др. языках. Например, в малайском языке *orang* (человек), *orang-orang* (люди); в лезгинском *ара-ара* (иногда, временами), к слову, последний пример имеет место и в татарском языке.

Так, можно сделать вывод, что один, отдельно взятый сегмент редуPLICATION еще раз свидетельствует, как современная русская речь приобретает все новые черты, сближающие русский язык в плане выражения экспрессивно-стилистического потенциала с другими языками, принадлежащими разным языковым семьям. В этом, возможно, кроется одна из черт универсалий языка: выражения эмоции, экспрессии, интенсивности характерны абсолютному большинству языков, и в спешке или с иронией говоря «такси-макси»,

«арбуз-марбуз», сегодняшний носитель русского языка (подчеркиваем, в основном в национальных республиках России) все больше включается в наше общее языковое пространство. Эта тема может быть обсуждена как негативные проявления в нашей речи просторечных элементов на занятиях по культуре речи, по стилистике, в то же время данное явление – интересный объект лингвистических исследований, вызывающий научный интерес в разных сферах и векторах современной лингвокультурологии.

Литература:

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка / Г.Б.Антрушина, О.В.Афанасьева, Н.Н.Морозова. – М.: Дрофа, 2001. – 288 с.
2. Арсентьева Е.Ф., Валиуллина Р.Б. Редупликация в современном английском и русском языках. Филология и культура. – 2013, №1 (31). – С. 12-16.
3. Букатникова С. Д. К вопросу о классификации редупликаций. – Молодой ученый. – 2014. – №4. – С. 1201-1203.
4. Рожанский Ф.И. Редупликация. Опыт типологического исследования. – М.: «Знак», 2011.– 260 с.
5. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2000. – 261 с.
6. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: дис. ... канд. филол. наук. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – 184 с.
7. Салимова Д.А. Еще раз о языковом союзе: о примерах типа таксимакси и ыбыр-чыбыр как татарско-русских языковых пересечениях/ Международная научно-практическая конференция: «Современное образование: опыт, проблемы, перспективы развития». – Москва, 2012. – С. 154-156.
8. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков/ Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – 560 с.

9. Федяева Е.В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества. – СПб: Известия РГПУ им.А.М.Герцена. – № 33 (73), 2008. – С. 469 – 472.

Salimova Daniya Abuzarovna. Kazan Federal University, Yelabuga, head of russian language department, Doctor of philological science, professor.

Наблюдается одна интересная закономерность: если в русском языке повторяются вся основа глагола и обычно это форма прошедшего времени: смотрел-смотрел, думал-думал (при этом в текстах встречается и простое соседство глаголов без дефиса или запятых, то есть *смотрел смотрел, подумал подумал и сказал*), то в татарском языке случаи редупликации форм прошедшего времени очень редки (*уйладым-уйладым да...* «думал-думал»); повторяются в основном деепричастные формы: *уйлап-уйлап тордым да, кычкырып-кычкырып еладым да* «думал-думал, громко плакал-плакал» и т.д. Для русского языка повторы деепричастных форм совершенно не характерны; невозможно представить конструкции «*скучая-скучая плакала*», для татарского языка – это самые распространенные формы: *сагынып-сагынып еладым*. На наш взгляд, это связано с ограниченностью использования форм деепричастий несовершенного вида русского глагола, ибо далеко не каждый глагол НСВ образует деепричастие несовершенного вида, в то время как любой татарский глагол может образовать такие деепричастные формы (*ярата-ярата, любя, карый-карий*, то есть *смотря, яза-яза* (писать - нет эквивалента в русском), *сөрә-сөрә* (пахать) – нет эквивалента в русском и т.д. Данное обстоятельство еще раз подтверждает наш вывод о том, что редупликативные формы в татарском языке более распространены и не ограничены, как это наблюдается в русском языке. Тем более, вызывает интерес все более часто встречающиеся формы редупликативов типа “колбаса-молбаса, фрукты-мрукты”, где практически нет ограничений для присоединения к основе слов начальных звуков М и Б: *шурум-бурум, шум-бум*. Стремление ли это русского языка избежать всевозможных исключений и отклонений от правил, чего

наблюдается в русском языке слишком много, или это стремление быть ближе к восточным языкам, ответ на этот вопрос требует дополнительных исследований.